

Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И ИДЕОЛОГИИ (на примере Александра Невского)

Отношение к некоторым историческим событиям, явлениям, феноменам, с одной стороны проповедуемое официальной идеологией, а с другой — объективно существующее в обществе на каждом этапе его развития, зачастую может дать весьма полное представление о характере государственной власти и о самосознании народа в ту или иную эпоху. Действительно, знаковые моменты истории Отечества переосмыслиются заново почти на каждом переломе, и при этом некоторые ценности, ранее казавшиеся незыблемыми, неизбежно девальвируются, или в их значимости начинают видеть новый смысл, внимание, на котором ранее не акцентировалось. Предметом настоящего исследования станет рассмотрение восприятия фигуры крупнейшего национального героя России, человека во многом определившего в труднейшем и полном драматизма XIII столетии будущую судьбу нашего Отечества как суверенного и мощного государства. При этом мы постараемся ограничиться лишь наблюдением за характером отношения к личности Александра, избегая самонадеянных попыток «поставить диагноз» нравственному состоянию общества в те или иные исторические периоды. При этом необходимо оговориться, что в столь сложной сфере, к изучению которой мы приступаем, едва ли применим и метод «препарирования» культурно-исторической памяти, с целью получения слишком конкретных выводов о месте феномена Ярославича (или любой другой крупной исторической личности) в официальной идеологии и самосознании наших предков и современников. В про-

тивном случае, «на выходе» историк получит достаточно простую, прямолинейную модель-схему, которая, конечно, не будет отражать реальной ситуации. Ибо очевидно, что ментальность, к области которой принадлежит историческая память, не может быть ни простой, ни прямолинейной¹.

Начать освещение темы, вынесенной в заголовок этой работы, целесообразней всего с начала XVIII в. — то есть со времени, когда в России усилиями Петра Великого в полной мере сложилась абсолютистская государственность, а официальная идеология, не отказываясь от идеи сакральности происхождения высшей власти², приобретает четко обозначенный секулярный характер. Именно тогда почитание Александра Ярославича как святого претерпело существенные изменения: помимо духовной составляющей оно теперь стало носить и ярко выраженный светский оттенок.

Петр I, как известно, проводил реформы смело, решительно и охотно. Все они имели вполне резонное практическое обоснование. Достаточно серьезные, коренные перемены произошли в период его правления и в сфере деятельности Церкви, во внутренние дела которой первый русский император бесцеремонно вторгался. Касалось это и вопроса почитания святых.

Государь значительную часть своей жизни посвятил решению важной задачи, которая стояла перед страной в начале его правления, — уничтожению последствий Столбовского мирного договора 1617 г. и укреплению позиций России в Балтийском регионе. Именно это было главной причиной длившейся двадцать один год Северной войны со Швецией (1700–1721 гг.). Будучи человеком, исторически хорошо образованным, Петр, разумеется, осознавал, что он, по сути, является продолжателем дел Александра Невского, ратоборствовавшего в Припечье против того же грозного врага. Впрочем, и до начала той войны царь относился к памяти князя с особым пиететом, и не случайно второй сын Петра от первого брака с Евдокией Лопухиной получил имя Александр³. Учитывая это, необходимо признать, что предание культу святого нового характера стало со стороны государя вполне логичным шагом.

В 1723–1724 гг. мощи Ярославича были перенесены из Владимирского Рождественского монастыря во вновь построенный «парадиз» — Санкт-Петербург, и почивали отныне в основанном еще в 1710 г.

Александро-Невском монастыре, который по замыслу преобразователя должен был получить статус пантеона, где находили бы упокоение виднейшие сановники государства. Для достижения этой цели государь был готов даже пренебречь последней волей своих почивших соратников. В частности, Б. П. Шереметев, умерший в 1719 г., был погребен именно здесь, несмотря на то, что завещал похоронить себя в Киево-Печерской лавре⁴.

Александр Невский стал покровителем Северной столицы, но при этом его почитание приобрело некоторые новые черты. «Синодальному советнику, школе и типографий протектору, Троице-Сергиева монастыря архимандриту» Гавриилу (Бужинскому) было дано поручение составить новую службу святому, в которой делался акцент на делах Петра как наследника славы Невского героя⁵. Вскоре новая служба была написана, и 13 января 1725 г. Синод постановил ее напечатать⁶ для рассылки по всей стране во все церкви. В этот же период в церковный обиход входит и новый иконописный канон изображения Александра — в княжеских одеждах, вместо прежней схимы. Подобного рода мероприятия проводились и всеми преемниками первого русского императора, за исключением разве что Петра II⁷. Достаточно сказать, что в правление его правнука Павла Александро-Невский монастырь приобрел статус лавры (1797 г.), а в XIX в. три монарха носили имя Александр.

В обществе эта традиция почитания князя прижилась, причем речь в данном случае идет не только о верхушке социальной иерархии, но и о ее нижних слоях — народе.

Князь оказался тесно связан с правящей династией, его культ приобрел черты *государственного*, что выражалось, в частности, в широком по масштабам строительстве храмов в честь Ярославича⁸. Именно это, помимо всего прочего, обусловило отрицательное отношение к нему после двух революций 1917 г. и последующих потрясений.

Октябрьские события ознаменовали начало крутого поворота в истории России и существеннейшие перемены в обществе. Можно по-разному относиться к установившейся тогда большевистской власти, но, учитывая ее прочность, нельзя отрицать очевидного факта — наличие у нее широкой социальной базы, поддержки населения. Не будем вдаваться в спор о том, каким образом эта поддержка формировалась, здесь достаточно указать, что она была. Необходимо признать, что мероприятия, проводившиеся Советской властью, в том числе в идеологиче-

ской сфере, не могли «висеть в воздухе» и опираться лишь на штыки; напротив, они имели немало сторонников.

В новых условиях от прежнего отношения к национальным героям «старой» «царской» России не осталось и следа. В полной мере это касалось и личности Ярославича.

Александр Невский вообще оказался фигурой «неудобной». Как вполне справедливо отмечал Ф. Б. Шенк, этому способствовали три основных фактора. Во-первых, он — князь, «феодал», «эксплуататор трудового народа». Во-вторых, он — святой, причем святой, особо почитаемый, и почитаемый не только властью, но и народом, которого на новом этапе всеми силами пытались избавить от «религиозного дурмана». В-третьих, он — национальный герой, следовательно, символ «имперского великорусского шовинизма», искоренение которого также считалось в те годы одной из приоритетных задач⁹. Но самым главным, как представляется, было даже не это, а прославление образа князя в XVIII – начале XX в. на государственных мероприятиях. Именно поэтому личность Александра стала восприниматься как неразрывно связанная со «старым режимом». Таким образом и возможно, на наш взгляд, объяснить нигилизм по отношению к Ярославичу со стороны Советской власти и со стороны значительной части общества, интересы которой эта власть выражала.

Положение усугублялось общей ситуацией в области исторических исследований, сложившейся в двадцатые годы XX в. Разработка тематики, связанной с историей средневековой Руси, стала непопулярной, она считалась «немодной» среди студентов, а обращение к ней считалось бегством от действительности. В университетах были ликвидированы историко-филологические факультеты. В науке господствовала «школа» М. Н. Покровского, глава которой любил порассуждать о необходимости преодоления великорусского шовинизма, а слово «Россия» предпочитал в любом контексте брать в кавычки и писать со строчной буквы...¹⁰

Слишком велик соблазн объявить происходящее тогда только лишь следствием проводимой властями политики. Однако на деле все было совершенно иначе. В обществе, как уже отмечалось, действительно были силы, поддерживающие власть Советов, силы, готовые отказаться от исторической памяти и национальных героев. Александр Невский в этом списке был одним из первых, но далеко не единственным.

Например, то же можно сказать и о К. Минине и Д. Пожарском, памятник которым на Красной площади, кстати, представляющий собой подлинный архитектурный шедевр, многим «мозолил глаза». Именно в эту эпоху могли появиться строчки «пролетарского поэта» Джека Алтаузена, адресованные организаторам Второго земского ополчения, освободившего в 1612 г. от польских интервентов Москву:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского! Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить —
Их за прилавками Октябрь застал!
Напрасно им мы не сломали шею!
Я знаю — это было бы под стать!
Подумаешь — они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?

Однако время шло, победа мировой революции становилась все более призрачной, менялась и сама власть. Совершенно сошло на нет влияние главного теоретика перманентной революции Л. Д. Троцкого. Произошли важные перемены и в сфере исторических изысканий: в тридцатых годах, сразу после смерти М. Н. Покровского, развернулась сыгравшая огромную роль для всего последующего развития советской историографии дискуссия вокруг «локализации исторического процесса по формациям»¹¹. Спор шел о том, когда именно на Руси установился феодализм, имело ли когда-либо рабовладение значение основы социально-экономических отношений и т. д. В итоге возобладала концепция, основным автором которой был Б. Д. Греков. Согласно ей, на Руси феодализм, минуя рабовладельческую формацию, возник непосредственно в результате разложения первобытно-общинного строя; главным движущим фактором этого процесса стало появление крупных землевладельцев, эксплуатировавших труд феодально-зависимых крестьян¹². Разумеется, то, что данная гипотеза приобрела характер аксиомы, имело свои негативные последствия, но в целом это стимулировало интерес исследователей к древнерусской истории.

Вместе с тем, менялось и общество, и вновь актуальным становилось изучение истории страны, решившей строить социализм внутри собственных границ. В 1934 г. было восстановлено историческое образование в средней и высшей школе, открыли двери студентам

исторические факультеты, в печати появлялось все больше материалов, связанных с героями прошлого.

Однако личность Александра Невского до поры оставалась в забвении. Причиной тому была, вероятно, сила инерции отрицательного отношения к святому князю. С течением времени это становилось особенно заметным, на это обращали внимание в среде эмигрантов, внимательно следивших за переменами, происходившими в СССР в течение тридцатых годов. В частности Г. П. Федотов, в статье с претенциозным названием «Александр Невский и Карл Маркс», опубликованной в газете «Новая Россия» в 1937 г., рассуждая об использовании советской печатью «Хронологических выписок» К. Маркса, в которых клеймились «псы-рыцари», с целью возвеличивания «славы великого русского народа», подчеркивал, что имя человека, положившего предел влиянию Ордена, имя Александра до сих пор игнорируется. Исследователь возмущался тем, что «в этой реабилитации национальной славы есть какие-то границы, какое-то неискоренное чувство коммунистических приличий», выражающееся в «характерном умолчании»¹³. Причину тому Г. П. Федотов видел в святости князя. Именно в этом он искал объяснение тому, что «Ледовое побоище остается анонимным», в то время как на тот момент «Дмитрий Донской был причислен к национальным героям России в связи с памятью о Куликовской битве»¹⁴.

Однако в ту же пору ситуация уже менялась коренным образом. И власть, и общество были готовы к тому, чтобы вновь обратиться к непреходящему примеру служения народу и Отечеству Невского героя. Готовилась постановка фильма об Александре Невском, фильма, которому суждено было стать целой эпохой, и открывшего новую страницу светского почитания Ярославича. И, конечно, находящийся вдали от Родины Г. П. Федотов не мог знать, что за эту задачу взялся на тот момент уже всемирно известный режиссер С. М. Эйзенштейн.

Создание фильма стало важнейшим государственным делом. К созданию сценария подошли самым ответственным образом. Только третья его редакция, носившая наименование «Русь», была опубликована и представлена на суд специалистов (первую составил П. А. Павленко, вторая и третья были созданы им же в соавторстве С. М. Эйзенштейном). Историки и литераторы высказали немало критических замечаний по поводу текста, некоторые из них имели очень резкий характер. Чего стоит только название рецензии М. Н. Тихомирова — «Издавка над

историей», — опубликованной в третьем номере за 1938 г. главного исторического журнала страны «Историк-марксист»¹⁵. Не были простыми отписками и другие отзывы, в каждом из них содержались конкретные предложения¹⁶. Это, безусловно, свидетельствовало о неподдельном интересе к теме.

Что ж, общество действительно изменилось, настали другие времена, и история страны, герои ее прошлого вновь стали национальными ориентирами для народа. На наш взгляд, все это, и в частности перемены в отношении к личности Александра Невского, является одним из главных показателей того, что «гипернигилизм», свойственный первым полутора десятилетиям после революции 1917 г., окончательно ушел в прошлое. Потому ни в коей мере нельзя сводить все лишь к желанию советского правительства «насадить» патриотические настроения для последующего использования их в своих целях — «повысить любовь населения к родине (в авторизированном переводе книги Ф. Б. Шенка это слово набрано именно так, со строчной буквы. — *Авт.*) и политическому руководству»¹⁷.

Фильм С. М. Эйзенштейна стал настоящим шедевром, что было обусловлено несколькими факторами, среди которых немалую роль сыграла тщательно выверенная подготовка сценария, как с позиций исторической достоверности и художественной содержательности, так и с точки зрения политической корректности. Конечно, ничего не могло бы получиться и без режиссерского таланта создателя картины. К тому же затянувшаяся полоса неудач стала для него дополнительным стимулом к тому, чтобы создать подлинное произведение искусства. Можно смело утверждать, что если, создав «Броненосца “Потемкина”», С. М. Эйзенштейн вписал свое имя навечно в историю кинематографа, то, поставив «Александра Невского», он вошел в историю своей Родины — России. Образ Ярославича, воплощенный Н. К. Черкасовым, стал хрестоматийным, и вплоть до сегодняшнего дня именно таким наши сограждане и представляют себе князя.

Эпоха Великой Отечественной войны стала временем, когда в славном прошлом, в истории своей страны люди искали повод для оптимизма в самые сложные годы, когда казалось, что остановить натиск врага уже невозможно. Имя Александра Невского было упомянуто в речи И. В. Сталина на знаменитом параде 7 ноября 1941 г., прошедшем на заснеженной Красной площади. Мы не будем здесь

подробно останавливаться на восприятии личности Ярославича обществом в военные годы. Все это, в общем, достаточно хорошо известно¹⁸. Подчеркнем лишь, что и здесь неправильным будет противопоставлять государственную политику устремлениям простых людей, устремлениям народа: цель у всех была лишь одна — Победа.

После окончания самой кровопролитной в истории человечества войны отношение к образу князя в СССР не претерпело каких-то резких перемен. Изучение его деятельности было важной составляющей патриотического воспитания, народ воспринимал его образ, вне всяких сомнений, положительно. Но имелось одно «но», говорить о котором было не то что бы совсем не принято, но как-то и не совсем удобно.

Коллизия заключалась в следующем. С одной стороны, Александр Невский несомненно входил в число наиболее известных деятелей истории Отечества. В 1943 г. был учреждена советская боевая государственная награда, носившая его имя. И, казалось бы, все в этом смысле ясно. Но ведь с другой стороны, Ярославич, как светский властитель древности, как представитель «класса феодалов», эксплуатировавшего крестьянство, не мог быть до конца положительным героем, несмотря ни на какие воинские подвиги и дипломатические заслуги. Потому в описаниях деятельности князя часто где-то в середине текста содержались как бы затерянные сакраментальные фразы о том, что, дескать, Ярославич хотя и вел «внешнюю политику, соответствующую интересам объединения Руси», но в то же время «вооруженной силой подавлял всякие народные выступления»¹⁹. Впрочем, еще раз подчеркнем, что на последнем аспекте внимание отнюдь не акцентировалось, как предпочитали *не упоминать* и о том, что для верующих людей князь был не просто героем, он являлся святым (хотя информация об этом, разумеется, не носила и сколько-нибудь закрытого характера).

Такая политика «двойного мышления» не была чем-то особенным в ту эпоху. Всем нам, конечно, памятли времена, когда, выражаясь словами поэта, были «одни слова для кухонь, другие — для улиц». Наверное, не будет слишком смелым утверждение, что подобная пагубная «двойственность» и стала причиной, позволившей разрушить великое Государство.

Впрочем, не будем отдаляться от темы. Обратим лучше внимание на следующий весьма примечательный парадокс. Как было сказано выше, значение Александра Невского для отечественной истории

в послевоенные годы не ставилось под сомнение, в частности, очевидной была важность побед на Невском берегу в 1240 г. и на Чудском озере в 1242 г. Однако при всем том, места этих битв, по сути, полей ратной славы России, не были отмечены сколько-нибудь значительными мемориалами. Особенно бросалась в глаза неблагоустроенность устья Ижоры, территориально входившего в состав крупнейшего мегаполиса, второго по значимости города СССР — Ленинграда.

В начале 60-х годов минувшего столетия будущий выдающийся деятель отечественного искусства скульптор В. Г. Козенюк, будучи еще студентом Мухинского училища, случайно, совершая лыжную прогулку, оказался в Усть-Ижоре. Он знал о Невской битве, знал, что судьбоносное сражение произошло именно на тех местах, где волей случая ему довелось оказаться. И тем большее впечатление на молодого человека должны были произвести развалины взорванного в годы войны храма, возведенного когда-то во имя Александра Невского²⁰. «Не соответствие значимости исторического события не совмещалось в его сознании с той убогой реальностью, что предстала перед его глазами». С тех пор тема Александра Невского стала одной из основных в его творчестве²¹.

Подобное впечатление могли испытать и другие люди, оказавшиеся на этой священной земле. Правда, к 250-летию основания Ленинграда военная общественность города добилась установки скромного обелиска, обозначившего место битвы, но он был совершенно затерян среди деревьев и соседних домов частного сектора и по масштабам абсолютно не соответствовал значимости произошедшего здесь в 1240 г. события. Такое положение сохранялось длительное время, вплоть до второй половины 80-х годов, когда в общественной жизни и общественном сознании в очередной раз стали происходить коренные перемены. Но не будем забегать вперед. Попробуем порассуждать, что было причиной подобного стечения обстоятельств. На наш взгляд, это стало материальным, если можно так выразиться, выражением все той же «двойственности», существовавшей в обществе. Лишь это могло позволить и власти, и людям смириться с тем, что местность, связанная с победами, считавшимися на официальном уровне архиважными, по сути, лежала в руинах.

Но времена менялись. После перестройки наша страна стала совершенно иной, и в которой раз наступила «переоценки ценностей». Некоторые деятели истории опять оказались низвергнутыми с пьедестала,

кое-кто даже в прямом смысле слова. При этом Александру Невскому «повезло» намного больше, чем многим другим персонажам, более тесно связанным с идеологией Советского государства: можно сказать, что «двойственность» по отношению к князю, существовавшая прежде, сыграла в данном случае положительную роль. Хотя и на его личности пробовали «упражняться» самозабвенные сторонники ориентации на европейские «ценности», разного рода любители так называемой «альтернативной истории», да иногда ищущие легкой славы ученые-профессионалы. Смысл их инсинуаций был прост, подчас даже примитивен: Александр «предал» брата, сделал неверный исторический выбор «отвернувшись» от Европы, которая жаждала оказать действенную военную помощь Руси, да «втянул страну в зависимость» от Орды. Сражения же, выигранные им, не имели, по их мнению, особого значения, так как были недостаточно кровопролитными.

Впрочем, даже в ту пору, когда слово «патриот» преподносилось СМИ как ругательное, отношение в обществе к князю не стало отрицательным в целом. И причиной тому стало, на наш взгляд, именно то, что связь образа Ярославича с коммунистическим режимом не была незыблемой и очевидной. Именно поэтому как для сторонников левых идей, так и для той части населения, взгляды которой можно выразить, как ориентированные на суверенную демократию, Александр Невский по-прежнему остался национальным героем.

Очень важным было и то, что все чаще вспоминали о канонизации князя, о том, что предки наши видели в нем не только воина-героя, но и святого-чудотворца. Отражением этого, помимо прочего, стал еще один художественный фильм, посвященный Ярославичу — «Житие Александра Невского» (1991, режиссер Г. М. Кузнецов). В сюжетной линии картины прослеживаются некоторые мистические моменты, представить появление которых даже за несколько лет до этого было совершенно невозможно.

В 90-е годы власть лихорадочно пыталась найти идеологическую основу для объединения общества, разделенного совершенно противоположными политическими взглядами и социальными противоречиями. И казалось, достижению этой цели может помочь личность Ярославича. 6 января 1995 г. тогдашний президент России Б. Н. Ельцин подписал указ «О праздновании 775-летия со дня рождения Александра Невского», в соответствии с которым на июнь того же года было запла-

нировано проведение праздника «Венок славы Александра Невского». Мероприятия под этим названием продолжают в некоторых регионах до настоящего времени (особенно следует выделить регулярно организуемые праздники в Старой Ладоге).

Помимо этого, примерно в тот же период удалось организовать научные силы на проведения нескольких конференций, выходили в свет печатные труды об Александре Невском²². Подчеркнем при этом, что большая их часть содержала положительные оценки деятельности князя.

Однако вся политика страны, как и общественная жизнь в целом, вплоть до конца XX столетия носила устойчиво неопределенный характер. В частности, это, если обратиться к интересующей нас теме, выражалось в том, что во всех мероприятиях, связанных с личностью Александра Невского, отсутствовала *система*, не было *необходимой комплексности*. Что ж, и это вполне отражало жизнь нашего общества, оказавшегося в те годы в состоянии неопределенности, какого-то «разброда и шатания».

И все же в последние годы произошло что-то существенное, какие-то важные перемены. Мы не сразу обратили на них внимание, и все же на современном этапе, как представляется, ситуация постепенно меняется. Прежняя «качка» уходит в прошлое. Судить об этом возможно, как по лакмусовой бумажке, по отношению в обществе к феномену Александра Невского. В 90-е годы было закончено оказавшееся неимоверно трудным восстановление храма на месте Невской битвы. К юбилею Санкт-Петербурга эта территория просто преобразилась, здесь наконец-то появился памятник прославленному полководцу, все чаще сюда приезжают туристические группы. Но не это главное.

Важнее другое: всё заметнее поворот в курсе власти и СМИ, которые, как известно тоже являются своего рода властью. В 2008 г. на экраны вышла очередная, уже третья по счету экранизация биографии Ярославича «Александр. Невская битва» (2008, режиссер И. Е. Калёнов), фильм получился высокохудожественный и, что также существенно, в отличие от десятков подделок 90-х годов, патриотичный. Все более популярной фигурой становится князь и в широких слоях российского общества. В этом смысле важной вехой стал проект телеканала «Россия» «Имя России». Изначально многие восприняли это мероприятие как очередное заказное шоу, и даже хуже того — как

мыльную оперу с заранее известным концом. Однако чем дальше, тем очевиднее становилось то, что мы присутствуем при каком-то очень важном, можно сказать, знаковом событии. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что победитель этого «соревнования» деятелей прошлого — Александр Невский — был определен самой аудиторией телезрителей. Это неоспоримое свидетельство того, что отношение к Александру Невскому в обществе более чем положительное, что дает авторам настоящих строк повод для пока еще очень осторожного, но все же оптимизма.

¹ Ярким примером ущербности подобной методологии может служить недавно опубликованный на русском языке труд Ф. Б. Шенка, в котором исследователь с истинно немецкой педантичностью и аккуратностью, словно орудуя скальпелем в лабораторных условиях квалифицированный хирург, постарался с помощью внимательнейшего анализа реконструировать восприятие Александра в каждую историческую эпоху. Однако выводы, полученные при этом, оказались слишком уж прямолинейными. Об этом говорит уже одно название глав его работы: «Сакрализация Александра», «Национализация Александра», «Советизация Александра», «Экранизация Александра» и т. д. (*Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М., 2007*). Оговоримся при этом, что с точки зрения конкретики, фактологической достоверности, книга немецкого ученого, несомненно, представляет огромный интерес и долго не утратит научной актуальности.

² О сакрализации власти в традиционных и современных обществах см. подробно: *Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 205–207.*

³ *Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Невский (подробное жизнеописание) // Святой Александр Невский — защитник земли Русской. М., 2001. С. 448–449; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 33.*

⁴ *Павленко Н. И. Петр Великий. С. 535.*

⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. IV. 1724–1725 января 28. СПб., 1876. С. 188.

⁶ Там же. С. 248.

⁷ Подробно о почитании Александра Невского в эпоху Петра и его ближайших преемниках см.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. 1) «Празднество Александру Невскому отправлять повсюдно везде...» // Александр Невский. Проблемы истории России: Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002. С. 12–21; Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009. С. 179–185.*

⁸ См.: *Федотов А. С. Храмы во имя святого благоверного князя Александра Невского в XIX–XX вв. // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, Ю. А. Сандулов. СПб., 2004. С. 233–251.*

⁹ *Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. С. 236.*

¹⁰ О состоянии исторических исследований в те годы см. подробно: *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3.

¹¹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1980. С. 231.

¹² Подробно о данной дискуссии см.: Там же. С. 231–258. — «Нетипичные», то есть не вписывающиеся в классическую теорию «пятичленки», исторические реалии на протяжении советского периода не раз становились объектом для научных споров о соотношении власти и собственности. Ярким примером здесь может служить полемика вокруг так называемого азиатского способа производства (см. об этом подробно: *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. С. 108–111).

¹³ *Федотов Г. П.* Карл Маркс и Александр Невский // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 154.

¹⁴ Там же. С. 154–155. — Обращаем внимание на то, что канонизация Дмитрия Донского как святого состоялась намного позже — в 1988 г.

¹⁵ См. переиздание: *Тихомиров М. Н.* Издевка над историей // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

¹⁶ В дискуссии по поводу сценария, помимо М. Н. Тихомирова, принимали участие ведущие ученые-историки того времени — А. В. Арциховский, Ю. В. Готье, А. А. Савич, В. Е. Сыроечковский, Н. П. Грацианский и др. (См. подробно: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* К истории создания кинофильма «Александр Невский» // Новейшая история России: время, события, люди (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 281–295).

¹⁷ *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. С. 278.

¹⁸ См., например: *Мяков М. Ю., Асташин Н. А.* Образ Александра Невского в годы Великой Отечественной войны // Исторические ориентиры Российской государственности: Материалы общественно-научной конференции (4–5 декабря 2007 г. в МГИМО (У) при МВД России). М., 2008.

¹⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В 2 ч. Ч. I. М., 1953. С. 870, 869.

²⁰ Надругательство над церковным почитанием Александра Ярославича выражалось не только в разрушении храмов, воздвигнутых в его честь. Иногда подобное кощунство приобретало и другие формы, чего стоит только поэма П. Г. Антокольского «Мощи Александра Невского», созданная отнюдь не в годы послереволюционного «штурма набес», а именно на рубеже вполне благополучных послевоенных 60–70-х гг. (см.: *Антокольский П. Г.* Мощи Александра Невского // Александр Невский. Проблемы истории России: Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002).

²¹ *Сушко А. М.* Наметки к биографии // Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский. Эпоха и память. Исторические очерки. С. 231.

²² См. историографический обзор: *Соколов Р. А.* Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н. А. Святой и благодетель великий князь Александр Невский. СПб., 2004.

Информация о статье:

Автор: *Кривошеев Юрий Владимирович* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, kriwosheew@mail.ru;

Соколов Роман Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, romansokolow@mail.ru

Название: Феномен национального героя в общественном сознании и идеологии (на примере Александра Невского)

Аннотация: Образ Александра Невского в разные годы служил политическим символом России. Память о нем и его времени применялась для различной политической агитации. До конца XX столетия в мероприятиях, связанных с личностью Александра Невского, отсутствовала *система*. В последние годы ситуация постепенно меняется. Формированию исторической памяти о нем как национальном герое посвящена данная статья.

Ключевые слова: места памяти, национальный герой, история России, Александр Невский

Список используемой литературы:

Антокольский П. Г. Моши Александра Невского // Александр Невский. Проблемы истории России: Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2004.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. К истории создания кинофильма «Александр Невский» // Новейшая история России: время, события, люди (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 281–295.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Праздненство Александру Невскому отправлять повсюду везде...» // Александр Невский. Проблемы истории России: Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002. С. 12–21.

Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3.

Мяжков М. Ю., Асташин Н. А. Образ Александра Невского в годы Великой Отечественной войны // Исторические ориентиры Российской государственности: Материалы общественно-научной конференции (4–5 декабря 2007 г. в МГИМО (У) при МВД России). М., 2008.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.: В 2 ч. Ч. I. М., 1953.

Соколов Р. А. Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 2004.

Сушко А. М. Наметки к биографии // Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский. Эпоха и память. Исторические очерки. С. 231.

Тихомиров М. Н. Издевка над историей // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

Федотов А. С. Храмы во имя святого благоверного князя Александра Невского в XIX—XX вв. // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев, Ю. А. Сандулов. СПб., 2004. С. 233–251.

Федотов Г. П. Карл Маркс и Александр Невский // Вопросы философии. 1990. № 8.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1980.

Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Невский (подробное жизнеописание) // Святой Александр Невский — защитник земли Русской. М., 2001. С. 448–449; *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М., 2007.

Information about article:

Author: Krivosheev Yuriy Vladimirovich — doktor istoricheskikh nauk, professor, zaveduyushchiy kafedroy istoricheskogo regionovedeniya, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, Saint-Petersburg, Russia, kriwosheew@mail.ru;

Sokolov Roman Aleksandrovich — kandidat istoricheskikh nauk, dotsent, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, Saint-Petersburg, Russia, romansokolow@mail.ru

Title: Fenomen natsionalnogo geroya v obschestvennom soznanii i ideologii (na primere Aleksandra Nevskogo)

Summary: Obraz Aleksandra Nevskogo v raznyie godyi sluzhil politicheskim simvolom Rossii. Pamyat' o nem i ego vremeni primenyalas' dlya razlichnoy politicheskoy agitatsii. Do kontsa XX stoletiya v meropriyatiyah, svyazannykh s lichnostyu Aleksandra Nevskogo, otsutstvovala sistema. V poslednie godyi situatsiya postepenno menyaetsya. Formirovaniyu istoricheskoy pamyati o nem kak natsionalnom geroe posvyaschena dannaya statya.

Key words: mesta pamyati, natsionalniy geroy, istoriya Rossii, Aleksandr Nevskiy

References:

Antokolskiy P. G. Moschi Aleksandra Nevskogo, in *Aleksandr Nevskiy. Problemy istorii Rossii: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ust-Izhora, 2002.*

Fedotov A. S. Hramy vo imya svyatogo blagovernogo knyaza Aleksandra Nevskogo v XIX—XX vv., in Klepinin N. A. *Svyatoy blagoverniy i velikiy knyaz Aleksandr Nevskiy* / Ed. by Yu. V. Krivosheev, Yu. A. Sandulov. SPb., 2004. S. 233–251.

Fedotov G. P. Karl Marks i Aleksandr Nevskiy, in *Voprosy filosofii*. 1990. № 8.

Froyanov I. Ya. *Kievskaya Rus: Ocherki otechestvennoy istoriografii*. L., 1980.

Hitrov M. Svyatoy blagoverniy velikiy knyaz Aleksandr Nevskiy (podrobnoe zhizneopisanie), in *Svyatoy Aleksandr Nevskiy — zaschitnik zemli Russkoy*. M., 2001.

Kradin N. N. *Politicheskaya antropologiya*. M., 2004.

Krivosheev Yu. V., Dvornichenko A. Yu. Izgnanie nauki: rossiyskaya istoriografiya v 20-h – nachale 30-h gg. XX v., in *Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 3.

Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. «Prazhdenstvo Aleksandru Nevskomu otpravlyat povsyagodno vezde...», in *Aleksandr Nevskiy. Problemy istorii Rossii: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ust-Izhora, 2002. S. 12–21.*

Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskiy: epoha i pamyat*. Istoricheskie ocherki. SPb., 2009.

Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. K istorii sozdaniya kinofilma «Aleksandr Nevskiy», in *Noveyshaya istoriya Rossii: vremya, sobyitiya, lyudi* (k 75-letiyu pochetnogo professora SPbGU G. L. Soboleva). SPb., 2010. S. 281–295.

Myagkov M. Yu., Astashin N. A. Obraz Aleksandra Nevskogo v godyi Velikoy Otechestvennoy voyni, in *Istoricheskie orientiry Rossiyskoy gosudarstvennosti: Materialy obschestvenno-nauchnoy konferentsii* (4–5 dekabrya 2007 g. v MGIMO (U) pri MVD Rossii). M., 2008.

Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv.: V 2 ch. Ch. I. M., 1953.

Pavlenko N. I. *Petr Velikiy*. M., 1994.

Shenk F. B. *Aleksandr Nevskiy v russkoy kulturnoy pamyati: Svyatoy, pravitel, natsionalniy geroy. (1263–2000)*. M., 2007.

Sokolov R. A. Aleksandr Nevskiy: panorama noveyshih mneniy, in Klepinin N. A. *Svyatoy i blagoverniy velikiy knyaz Aleksandr Nevskiy*. SPb., 2004.

Sushko A. M. Nametki k biografii, in Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskiy. Epoha i pamyat: Istoricheskie ocherki*. S. 231.

Tihomirov M. N. Izdevka nad istoriey, in Tihomirov M. N. *Drevnyaya Rus*. M., 1975.